

Ежегодник Япония. 2019. Т. 48. С. 272–286.
 Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 272–286.
 DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10012

Японское губернаторство Карафуту (1905–1945): История и социальная память¹

С.В. Гришачёв

Аннотация. В отечественной науке история колоний, входивших в состав Японской империи в первой половине XX века, на данный момент изучена пока еще недостаточно полно. История губернаторства Карафуту (1905–1945), существовавшего на юге Сахалина, освещена крайне мало, а некоторые её моменты не изучены вовсе.

В статье основное внимание уделено истории создания и социально-экономическому укладу губернаторства Карафуту — освоение территории после Русско-японской войны, её место и статус в колониальной системе Японии, использование основных экономических ресурсов острова, создание социокультурного пространства и мемориализация колониального прошлого северных рубежей страны. Помимо этого, освещён процесс ликвидации губернаторства, начавшийся после присоединения юга Сахалина к территории СССР после Второй мировой войны, — передача управления советской администрации, совместное проживание советских и японских граждан в 1945–1948 гг., депортация японского населения Сахалина, судьбы корейского населения острова.

Кроме того, в статье приведены примеры сохранения памяти о японском присутствии на о. Сахалин в наши дни в России и Японии.

Ключевые слова: губернаторство Карафуту, колонизация, Японская империя, Тоёхара, Вторая мировая война, общественная память.

Автор: Гришачёв Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: grayskyway@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках осуществления гранта РНФ № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России».

Japan's governorate Karafuto (1905–1945): History and social memory

S.V. Grishachev

Abstract. History of colonies under the rule of Japanese Empire in the first half of the XX century has not been explored well enough so far. For example, history of Karafuto governorate (1905–1945) settled in the south part of Sakhalin is barely covered while some aspects of its history are not known at all. This article focuses on history of formation and socio-economic structure of Karafuto governorate — like territorial development after the Russo-Japanese war, its role and status in the colonial system of Japan, the use of the main economic resources of the island and creation of socio-cultural space along with the memorialization of the colonial past of the northern borders of Japanese Empire.

Besides that, in this article author highlights the process of liquidation of the overnorate (it started after accession of south part of Sakhalin to the USSR territory after the Second World War) followed by passing the governance on to the soviet administration, co-residence of Soviet and Japanese people on the same territory during 1945–1948, along with deportation of Japanese people and fate of Korean population of the island. The article gives the examples of preservation of memory of Japanese presence on Sakhalin Island in both modern Japan and Russia.

Keywords: Karafuto governorate, colonization, Japanese Empire, Toyohara, the Second World War, Public memory.

Author: Grishachev Sergey V., Ph.D. (History), Associate professor, Department of Modern East, Russian State University for the Humanities. E-mail: grayskyway@gmail.com

Предыстория

Остров Сахалин с момента установления отношений между Россией и Японией вплоть до окончания Второй мировой войны был территорией, которую две страны неоднократно делили между собой. По Санкт-Петербургскому трактату 1875 г. весь остров становился владением Российской империи, Япония же получала взамен гряду Курильских островов, простирающихся вплоть до Камчатки. Стратегическое значение острова трудно переоценить, поскольку он закрывает устье Амура, то есть основной речной путь из Восточной Сибири в Охотское море и далее — в акваторию

Тихого океана. К тому же в середине XIX в. здесь были найдены богатые запасы угля, что дало возможность снабжать топливом российские военные корабли на Дальнем Востоке. Однако чрезвычайная удалённость даже от административных центров Восточной Сибири, а также неблагоприятный климат крайне осложняли процесс освоения этих территорий. Основным способом их освоения еще с 1869 г. стало переселение ссыльных и каторжан. Осуждённые, отправленные на каторгу на Сахалин, после отбытия каторжного наказания не имели права покинуть остров и были вынуждены остаться жить здесь на правах ссыльных. Судьба их резко поменялась после 1905 г., и война стала причиной неожиданных послаблений.

На протяжении Русско-японской войны основным театром боевых действий оставалась южная Маньчжурия, однако после разгрома русского флота в Цусимском проливе стала окончательно очевидна незащищённость российских владений на Дальнем Востоке. 24 июня 1905 г. японский флот начал операцию по высадке десанта на юге Сахалина. Немногочисленные русские воинские части и отряды дружинников после непродолжительного сопротивления сложили оружие в конце июля 1905 г. [История Сахалина... 2008, с. 374].

По условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. южная часть Сахалина, территория южнее пятидесятой параллели, переходила под управление Японской империи. Была создана совместная российско-японская разграничительная комиссия, которая провела топографические работы на местности, вследствие чего была проведена делимитация. Так между Россией и Японией пролегла первая сухопутная граница.

Российским подданным было разрешено самим решить — оставаться или уехать. Большинство населения составляли ссыльно-поселенцы, которые с большим воодушевлением встретили эту новость и, воспользовавшись снятием ограничения на перемещение, вскоре покинули остров. Они выехали в другие регионы Дальнего Востока, чем не на шутку встревожили власти в Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке. Их волновало прибытие большого количества переселенцев из потенциально криминальной среды. В 1906 г. была закрыта и сама Сахалинская каторга, немногочисленных на тот момент заключённых перевели на Нерчинскую

каторгу. В итоге северная часть острова, оставшаяся российским владением, фактически обезлюдела. Ситуация не улучшилась и тогда, когда в 1908 г. было разрешено свободное переселение на остров: за два года сюда переехало всего лишь 400 человек [Бурыкин А.Н., 2009, с. 4].

Молодая колониальная империя и новая колония

Иначе складывалась ситуация на юге острова, где новую колонию создают японские власти. Первые годы территория южного Сахалина находилась под управлением военных, а в 1907 г. дела были переданы гражданской администрации вновь созданного губернаторства Карафуто.

Создание колоний в начале XX в. стало своеобразным подтверждением статуса империи, которого страна добивалась на протяжении всего периода Мэйдзи. Фактически впервые в своей истории Япония поставила в качестве одной из основных задач проведение активной (и даже агрессивной) внешней политики. После 1905 г., то есть по итогам двух войн, результатом которых стало приобретение нескольких крупных колоний, ведущие державы мира признали Японию членом своего элитарного клуба.

Тремя самыми крупными колониями Японии (исключая арендованный у Китая Ляодунский полуостров) стали Корея, о. Тайвань и о. Сахалин. Наряду с Курильскими островами и архипелагом Рюкю они входили в понятие *гайту* (внешние территории 外地). Остров Хоккайдо, хотя формально подпадал под категорию *найти* (внутренние территории 内地) наряду с остальными собственно японскими островами, однако фактически его освоение требовало таких же стратегий и затрат, которые применялись в отношении губернаторства Карафуто. Таким образом, империя брала на себя очень большое бремя, не имея для этого достаточного опыта. Развитие колоний стало делом новым, и в этом японцам также пришлось учиться и перенимать европейский опыт. Показательно, что в 1908 г. в Токийском университете была даже создана кафедра колонизации.

Колонии Японии не были одинаковы, они обладали очень разными социальными, этническими и экономическими характеристиками. Так, например, Корея и о. Тайвань были территориями с

очевидным преобладанием местного населения. Японские переселенцы здесь составляли не более 7 % от общего числа. Что же касается Сахалина, то здесь как раз удалось достаточно компактно водворить выходцев из метрополии — 293 000 человек к 1930 г., что составило 98 % населения [Бурькин А.Н., 2009, с. 4].

Губернаторство Карафуто, в отличие, например, от о. Тайвань, не являлось «жемчужиной Японской империи». Его статус и его престиж были значительно ниже. И если Корея и Тайвань управлялись генерал-губернаторами, которые были наделены чрезвычайно широкими полномочиями, то для управления Карафуто назначались гражданские чиновники рангом ниже [Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б., 2009, с. 51].

Управление осуществлялось поначалу из города Отомари (нынешний порт Корсаков). Позднее, когда был построен административный центр Карафуто, Тоёхара (нынешний Южно-Сахалинск), управление было переведено туда. Остров постепенно стал заселяться японскими колонистами.

Правительство делало капитальные вложения в развитие экономики Карафуто — в постройку новых городов, прокладку шоссе и железных дорог. Освоение хозяйственных ресурсов шло достаточно быстрыми темпами. Местная экономика имела определённые климатические и географические отличия от метрополии.

Сахалин стал единственным местом компактного проживания большого числа японцев, где продукт рациона японцев — рис — не выращивался, его ввозили из метрополии и других колоний. Основу экономики Карафуто составили рыбная, деревообрабатывающая и угольная промышленность. Остров Сахалин — малонаселённый и не подвергавшийся интенсивному освоению вплоть до начала XX в. — стал основным поставщиком древесины в империи. С 1920-х годов велась интенсивная вырубка леса, главным образом для бумажно-целлюлозной промышленности. На производстве бумаги вырос бизнес знаменитой компании «Одзи». Её фабрики возникали на территории всего губернаторства. Вокруг них вырастали рабочие посёлки, жители которых работали на этих фабриках, — Сиритору (Макаров), Усугору (Углегорск), Томариору (Томари). В 1941 г. здесь было произведено 70 % бумаги и целлюлозы всей Японии [Бурькин А.Н., 2009, с. 10].

Богатейшие запасы угля на Сахалине составляли основу его экономики. Добыча угля здесь увеличилась и вышла на 1-е место по сравнению с другими колониями в 1930-е годы, особенно это стало заметно после 1937 г., когда Япония начала войну в Китае [Мики Масафуми, 2017, с. 166]. При этом не стоит забывать, что японские концессионеры по соглашению с СССР после 1925 г. получили право и на разработку нескольких угольных концессий на северной, советской части Сахалина, что было необходимо для все более и более милитаризирующейся экономики Японии.

В рыбном хозяйстве Сахалин стал играть такую же роль, как и Хоккайдо, будучи местом вылова северных пород рыб. Крупнейшими центрами отрасли стали порты Отомари (Корсаков), Хонто (Невельск), Маока (Холмск).

Идеология и символы губернаторства Карафуто

Увеличивая территорию своей империи, японцы заботились не только об экономическом и социальном обустройстве новых земель, но и об идеологическом освоении нового пространства, создавалось их ментальное и мемориальное обоснование. Губернаторство Карафуто было образовано по итогам войны с Россией, и именно это событие стало отправной точкой в его истории. С ним же и связано большинство памятников и исторических символов. Так, например, на месте высадки японского десанта летом 1905 г. неподалеку от Отомари (Корсаков) была возведена стела в память об этом событии.

В 1908 г. было начато строительство Тоёхара дзиндзя — главного синтоистского святилища нового административного центра губернаторства, носящего его название. Спустя несколько лет рядом началось строительство Карафуто дзиндзя. Это святилище в отличие от первого имело особый статус. Будучи фактически филиалом Ясукуни дзиндзя², оно был посвящено солдатам и офицерам, погибшим в ходе боевых действий весной и летом 1905 г. Карафуто дзиндзя считался «покровителем севера Великой японской империи» [Комаровский Г.Е., 2002, с. 295]. Вскоре во дворе святилища

² Святилище Ясукуни дзиндзя воспринимается в настоящее время в мире как символ милитаризма и является напоминанием о японской агрессии в годы Второй мировой войны.

была установлена труба с крейсера «Новик», который участвовал в сражениях с японским флотом в самый разгар Русско-японской войны³.

В городе Отомари, рядом с которым и осуществлялась высадка японского десанта, тоже было возведено святилище — на месте погребения солдат, погибших летом 1905 г. Там же было установлено на постаменте трофейное 230-мм орудие все с того же крейсера «Новик» [Самарин И.А., 2005, с. 12–13].

Пространство нового губернаторства должно было иметь символическую связь с основной территорией Японии. Указать на эту связь можно было посредством августейших посещений новых территорий. В 1925 г. Карафуто посетил наследник престола, будущий император Хирохито (Сёва). Его визит в Тоёхара был обставлен торжественными мероприятиями, в которых участвовало не только японское население. Его высочество должен был лицеизреть представителей других народов, которые просвещаются под влиянием цивилизации. Поэтому приезд наследника был обставлен плясками и песнями айнов и орочей, были даже устроены гонки на оленях. Так империя и демонстрировала своё величие, и подчёркивала историческую миссию по отношению к малым народам. По случаю посещения наследником губернаторства в г. Тоёхара была возведена памятная колонна [Федорчук С.П., 2013, с. 12–14].

Помимо наследника, в конце 1920-х годов Сахалин посетили еще два представителя императорского дома, оба военные. Визиты должны были напоминать о соседстве России и победе над Россией, неслучайно поэтому Сахалин посетили именно они. В 1929 г. Карафуто посетил принц Фусими-но мия Хироюсу. Он посвятил свою жизнь морскому делу и сделал карьеру на флоте. Он принимал участие в операциях японского флота в период Русско-японской войны. Спустя два года на Сахалине побывал принц Канъин. Он успел и поучаствовать в Русско-японской войне, и впоследствии побывать с официальным визитом в России в ходе Первой мировой

³ Крейсер «Новик» участвовал в обороне Порт-Артура. Летом 1904 г., пройдя длительный путь, оказался у берегов Сахалина для пополнения запасов угля. «Новик» принял бой с крейсерами противника, после которого был затоплен. После войны был поднят и введён в состав японского флота под именем «Судзюя». Разобран на металлолом в 1913 г.

войны. По случаю их визитов также были возведены памятные колонны [Федорчук С.П., 2013, с. 53–55].

Губернаторство постепенно обретало не только символические, но и вполне осязаемые, практические связи с метрополией. В 1935 г. было открыто авиасообщение между Тоёхара и Саппоро. К тому моменту цепочка авиарейсов связывала между собой столицу и крупнейшие города северо-востока Японии, и с пересадками в Аомори и Сэндай можно было далее совершить перелет в Токио.

В 1935 г. достаточно пышно был отпразднован юбилей губернаторства. Тогда же было построено и вскоре введено в строй новое здание для краеведческого музея — в традиционном стиле с элементами европейской архитектуры. Музей был призван расширить и мемориализировать географическое и историческое пространство Карафуто, подчеркнуть единство культурного пространства, а также связь между прошлым и настоящим Японской империи. Музей имел коллекции, которые рассказывали об истории его освоения, а также о малых этносах, населяющих его территорию, — айнах, нивхах и др. Во дворе музея был разбит небольшой парк, в котором были собраны все деревья и кустарники, произрастающие на территории губернаторства.

Совместная жизнь: Русские и японцы в 1945–1949 гг.

Вторая мировая война пощадил территорию Карафуто. И хотя в конце 1930-х годов на границе с СССР был возведён укрепрайон, все годы войны советские и японские пограничники разглядывали друг друга не в прорезь прицела, а в бинокль. К 1945 г. на территории губернаторства проживало порядка 400.000 человек. Большую часть из них составляли японцы [Аmano Наоки, 2017], но были также и корейцы (об этом см. далее).

Войска СССР пересекли границу Карафуто 11 августа 1945 г. За исключением локальных стычек, советские части почти не встречали сопротивления. Подобно тому как занятие Сахалина японскими войсками в 1905 г. было стремительным и почти бескровным окончанием одной войны, приход советских войск и двухнедельный блицкриг спустя сорок лет стал таким же быстрым завершением войны другой. Что касается гражданского населения

крупных городов, то, боясь артобстрелов и авианалётов, оно организованно покинуло свои жилища и ушло в горы, города опустели. Операция по занятию юга Сахалина была закончена через две недели. Вскоре после этого в городах стали появляться японские ходоки с целью разузнать обстановку. После общения с советскими патрулями жители стали, опять-таки организованно, возвращаться в места своего проживания.

При штабе Второго Дальневосточного фронта было организовано управление по гражданским делам, которое занималось обустройством мирной жизни на занятой территории. При этом японские учреждения (за исключением полиции) работали и продолжали функционировать вплоть до начала 1946 г. Представители технических специальностей — техники и инженеры — продолжали работу на своих объектах и дальше. На своем рабочем месте оставался и губернатор Карафутто — Оцу Тосиро. Когда было налажено советское управление территориями, он вместе со многими своими подчинёнными был снят с должности и интернирован в Хабаровск. Советская гражданская администрация начала работать с февраля 1946 г. [Аmano Наоки, 2017, с. 320].

Вскоре на юг Сахалина прибыл с инспекционной поездкой заместитель Председателя СНК СССР А.И. Микоян. Как и в отношении Восточной Пруссии, на территории которой была создана Калининградская область, в отношении бывшего губернаторства Карафутто был выработан план обустройства и заселения. В 1947 г. город Тоёхара был переименован в Южно-Сахалинск, тогда же была образована Сахалинская область, в состав которой вошли обе части острова, а также Курильские острова [История Сахалина... 2008, с. 455–456].

Японское население острова еще несколько лет оставалось жить на Сахалине, и период 1945–1949 гг. стал удивительным периодом в истории двух стран, когда русские и японцы массово взаимодействовали и наблюдали друг за другом. Это был важный житейский опыт, хотя и не без элементов абсурда. Японцы неизбежно были вовлечены в идеологизированный советский быт: вчерашних жителей милитаристской Японии теперь заставляли отмечать советские праздники и ходить на первомайскую демонстрацию. Советские граждане тоже были очень удивлены японским образом жизни. Их поражало отсутствие тротуаров на улицах, а также отсутствие

центрального отопления в домах, несмотря на достаточно суровый климат.

С осени 1945 г. начинается репатриация японского населения, в ходе которой в Японию было отправлено порядка 380.000 человек. Репатриация производилась совместными усилиями СССР, США и Японии. Южно-Сахалинск стал своеобразным коллектором, куда свозились жители Сахалина и Курильских островов. Надо сказать, что советская сторона не способствовала слишком быстрому отъезду японцев. Послевоенной экономике нужны были рабочие руки, пока не прибыло достаточно советских переселенцев. Вывоз осуществлялся только посемейно, разбивать семьи не разрешалось. Ежедневно два парохода вывозили по 1500 человек. С декабря 1946 по июль 1949 г. с Южного Сахалина в несколько заходов было вывезено около 260 тыс. японцев. К 1949 г. всё японское население было репатрировано с Сахалина [Аmano Наоки, 2017, с. 328].

Вместе с японцами были вывезены и немногочисленные айны. А вот судьба сахалинских корейцев, завезённых в годы войны для ведения тяжелых работ в угольной промышленности и рыбном промысле, сложилась самым незавидным образом. Милитаристская Япония рекрутировала население одной из своих колоний для поддержания экономики другой своей колонии. После 1945 г. теперь уже СССР отказался возвращать этих же людей на родину по той же причине — недостаток рабочих рук в хозяйстве теперь уже Сахалинской области. По разным оценкам, в Карафутто на тот момент насчитывалось от 23 000 до 50 000 корейцев [Кузин А.Т., 2010, с. 80]. Всем им пришлось остаться в СССР. К тому же на родине в 1950 г. началась кровопролитнейшая война, Корея оказалась разделена на два лагеря. Даже когда возвращение и стало возможно, то перспектива была лишь одна — стать гражданином КНДР.

В 1957 г. было достигнуто межправительственное соглашение между руководством КНДР и СССР о том, что корейцы, проживающие в Сахалинской области, могут сами определить страну проживания. Некоторые остались в СССР, некоторые уехали в КНДР. Тем же, чьи родственники жили в Республике Корея, ждать встречи пришлось много десятилетий, а многие и вовсе не дожили до этого момента. Символом скорби и разлуки с родиной стал открытый осенью 2007 г. памятник в Корсакове в виде расположенной трубы парохода.

Карафуту — Сахалин: Уничтожение и сохранение памяти

Сорокалетнее пребывание японцев на территории Южного Сахалина оставило свои следы, однако этим наследием новая власть распорядилась по-разному. В 1949 г. по распоряжению Сахалинского облисполкома было начато уничтожение следов японского присутствия. Были снесены храмы Тоёхара дзиндзя и Карафуту дзиндзя. Были снесены и колонны, поставленные в честь визита наследника, памятники погибшим пожарникам и полицейским Карафуту и многие другие [Федорчук С.П., 2013].

Постепенно и жилые постройки в крупных городах были снесены, кварталы стали застраиваться зданиями типовой советской архитектуры при сохранении прежней планировки улиц. Постепенно облик городов полностью потерял японские черты, за редкими исключениями японская архитектура была утрачена. Как ни странно, здание музея губернаторства сохранилось в нетронутом виде и даже продолжало использоваться по назначению. И сейчас в нем располагается Сахалинский государственный областной краеведческий музей.

Объекты хозяйственного и промышленного назначения сохранились, поскольку необходимость в их использовании при слабой развитости советской экономики оставалась очень высокой. Технологическая память, свидетельствующая о японском присутствии на острове, оказалась наиболее прочной в силу своей функциональности, что лучше всего видно на примере эксплуатации железной дороги. К 1945 г. на юге острова было проложено около 700 км полотна и построено 618 мостов [Костанов А.И., 1997, с. 40]. Стандартом для японской колеи служила так называемая капская колея — 1067 мм., которая уже советской (1520 мм). Работы по перешивке железнодорожного полотна на российский стандарт были начаты лишь в 2000-х годах, завершить их планируется в 2020 г.

Широко известен тот факт, что для японцев важным условием и личностной, и национальной идентификации является культ предков, который реализуется, в частности, в повышенном внимании к сохранению могил родственников. Для тех, кто покинул Сахалин в конце 1940-х годов, посещение могил предков стало вопросом первостепенной важности и как следствие — предметом обсуждения

между руководством СССР и Японии. С 1965 г. было получено согласие на посещение гражданами Японии кладбищ Сахалинской области по строго оговорённому графику, с ограниченным количеством объектов посещения и под тщательным контролем со стороны местного управления КГБ и партийных органов [Пруссакова Т.Н., 2000]. Удивительно, что в текстах партийных и правительственных документов терминологически этот процесс воспринимался как «приём японских туристов» [Пруссакова Т.Н., 2000, с. 142].

Сохранение памяти о губернаторстве Карафуту в самой Японии также имело место, однако со своими особенностями. В 1957 г. была создана такая организация, как Общенациональный союз Карафуту — *Дзэнкоку Карафуту рэммэй* (全国樺太連盟). Главной целью этой организации и по сей день является координация связей между бывшими жителями губернаторства. При её содействии выходили и выходят публикации, посвящённые истории бывшей японской колонии и сохранению памяти о ней на территории нынешней Сахалинской области [Мики Масафуми, 2010]. В Саппоро, в бывшем здании администрации губернаторства Хоккайдо сейчас действует музейная комната — *Карафуту канкэй сирёкан* (樺太関係資料館), являющаяся частью туристического пространства, посвящённого истории северной Японии. Здесь можно ознакомиться с документами, фотографиями и иными свидетельствами японской жизни на острове, который уже давно стал частью другой страны.

Заключение

Без малого полувековая история японской колонии — это опыт политического, социального и экономического освоения нового пространства, что бывало в истории Японии крайне редко. На протяжении древней и средневековой истории японцы были мало склонны к освоению чужих просторов. Большая часть истории Страны Восходящего Солнца — история изоляции и невмешательства в дела соседей. Курс же на построение империи, ставший частью модернизационного проекта в конце XIX — первой половине XX века, в итоге привёл страну к поражению во Второй мировой войне, создав к тому же большие сложности во взаимоотношениях с соседями — Китаем и странами Корейского полуострова.

Отношение к политической истории этого периода в современной Японии, как правило, негативное. Вместе с тем история губерна-торства Карафутто — это, пожалуй, редкий и несколько подзабытый случай бесконфликтного этнического распространения. Тот факт, что эти территории после 1945 г. стали частью СССР (а потом и Российской Федерации), несколько не осложнил взаимоотношения между простыми людьми. Как после 1905, так и после 1945 г. остров Сахалин не стал предметом сколько-нибудь серьезных взаимных претензий. Сегодня период Карафутто (*Карафутто дзидай* 樺太時代) — это история обыкновенных людей, которые хоть и жили за пределами нынешней Японии, но о которых не принято забывать. Это прошлое скорее является неотъемлемой частью исторической памяти и национальной самоидентификации японского народа, нежели японского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аmano Наоки. Карафутто но сэнсo. 1945–1949: [Война на Сахалине] // Карафутто 40 нэн но рэкиси [Сорок лет истории Сахалина]. Токио: Дзэнкоку Карафутто рэммэй, 2017. С. 285–331.

Бурыкин А.Н. Сахалин в 1905–1945 годах. Дихотомия государственного управления освоением территории региона. // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://readera.ru/142110083> (дата обращения: 25.06.2019).

История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / под ред. М.С. Высокова. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское книжное издательство, 2008. 712 с.

Комаровский Г.Е. Государственный синто. // Синто. Путь японских богов: Сб. ст. В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. Санкт-Петербург: Гиперион, 2002. С. 261–311.

Костанов А.И. Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги. Москва: Транспорт, 1997. 218 с.

Кузин А.Т. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 76–83.

Мики Масафуми. Коккё: но сёкуминти. Карафутто : [Колония на границе. Карафутто]. Токио: Ханава сёбо. 2010. 175 с.

Мики Масафуми. Танко: дэ икиру хитобито. 1925–1936 : [Те, кто добывает уголь. 1925–1936]. // Карафутто 40 нэн но рэкиси : [Сорок

лет истории Сахалина]. Токио: Дзэнкоку Карафутто рэммэй, 2017. С. 157–196.

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. История Японии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 528 с.

Пруссакова Т.Н. Документы Сахалинского центра документации Новейшей истории по проблеме посещения японскими гражданами мест захоронений на территории Сахалинской области // Краеведческий бюллетень (Сахалин). 2000. № 3. С. 141–154.

Самарин И.А. «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2005. 64 с.

Федорчук С.П. Чужая память. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2013. 63 с.

References

Amano Naoki. (2017). Karafuto no sensō [The War on Sakhalin], *Karafuto 40 nen no rekishi* [40 years of Sakhalin History], Tokyo: All Japan Federation of Karafuto, pp. 285–331.

Burykin A.N. (2009). Sakhalin in 1905–1945. The Dichotomy in Public Administration of the Development of the Region, *Rossiyskiy ekonomicheskij jurnal*, 2009, No. 1. URL: <https://readera.ru/142110083> [accessed: 25 June 2019].

Fedorchuk S.P. (2013). Other People's Memory, Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinsk book publisher, 63 p.

History of Sakhalin and the Kuril Islands from Prehistory to the beginning of the XXI Century, ed. by M.S. Vysokov, Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinsk book publisher, 2008, 712 p.

Komarovskiy G.E. (2002). State Shinto. Shinto. The Way of Japanese Deities. In 2 vol. Vol. 1, History of Shinto, Saint-Petersburg: Giperion, pp. 261–311.

Kostanov A.I. (1997). Easternmost Route of Russia: The History of Sakhalin's Railway, Moscow: Transport, 218 p.

Kuzin A.T. (2010). The Problems of Postwar Repatriation of Japanese and Korean Population from Sakhalin, *Russiya I ATR*, 2010, No. 2: pp. 76–83.

Miki Masafumi. (2010). Kokkyō no shyokuminti. Karafuto [The Colony on the Board of the State. Karafuto], Tokyo: Hanawa Shyobo, 175 p.

Miki Masafumi. (2017). Tankō de ikiru hitobito [Those Who do Coal-Mining], Karafuto 40 nen no rekishi [40 years of Sakhalin History], Tokyo: All Japan Federation of Karafuto, pp. 157–196.

Molodyakov V.E., Molodyakova E.V., Markaryan S.B. (2009). History of Japan. XX century, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 528 p.

Prussakova T.N. (2000). State History Archive of Sakhalin Region's documents on the problem of visiting burial sites in Sakhalin Region by Japanese citizens, *Kraevedcheskiy byulleteny*, 2000, No. 3: pp. 141–154.

Samarin I.A. (2005). "The Way of Deities" on Islands: Shinto Shrines of Southern Sakhalin and the Kurile Islands, Khabarovsk: Priamurskiye vedomosti, 64 p.

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 287–320.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 287–320.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10013

Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах, оборотнях и прочей нечисти*

Н.Н. Трубникова

Аннотация. Цель исследования — прояснить понятия блага и зла в японской традиции поучительных рассказов *сэцува* на материале «Собрания стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*», 1120-е годы).

Сопоставляются рассказы из двух свитков «*Кондзяку*» — 20-го и 27-го. В обоих речь идёт о демонах, оборотнях, призраках и других существах, традиционно относимых к «нечистой силе», *мононокэ*. В первом случае истории изложены с буддийской точки зрения, а во втором — с мирской, отчасти основанной на учении о Тёмном и Светлом началах. На их примерах можно проследить два различных ответа на вопрос, что представляют собою силы, враждебные человеку, и как от них следует защищаться. Вредоносные существа морочат людей, умножают обман в мире, который и сам по себе есть наваждение. Зло здесь берётся не с точки зрения нравственных предписаний, а скорее с точки зрения обрядовых правил: не как порок, который надо обличить, а как опасность, от которой можно и нужно защититься. При этом в буддийских рассказах демоны пытаются сбить человека с верного пути, а противостоять им способен тот, кто последователен, верен себе и «прямым». В рассказах мирских, наоборот, «прямота» как несвобода в выборе пути оказывается свойством нечисти, человек же более свободен и может перехитрить силы зла, выбирая обходные дороги. В конечном счёте опасность таится внутри самого человека: тяжёлое наследие прежних деяний ведёт к бедам в нынешней жизни, и нечистая сила по сути лишь исполняет кары, отмеренные по закону воздаяния, точно так же,

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 ««Собрание стародавних повестей» (“*Кондзяку моногатари-сю*”) в истории японской религиозно-философской мысли».